

Иллюзия прогресса

Когда-то прогресс означал реальное преодоление нужды — то, что можно было увидеть, потрогать, исправить. Но все изменилось.

Энтони Деден

чтв 13 ноября 2025

Это эссе родилось из отвращения к случайно прочитанной летом книге, которая возводила прогресс в ранг добродетели, а частный капитал — в сан его верховного жреца. Каждый абзац был написан на одном и том же благочестивом языке «устойчивого улучшения», «общественной пользы» и «создания долгосрочной ценности», как будто использование заемных средств, распродажа активов и косметическая обработка балансовых отчетов стали моральными поступками. Меня возмущало не только само лицемерие, но и его пустота. В нашем гиперфинансиализированном обществе мы стали путать оценку со стоимостью, а активность с достижением. Слово «прогресс» используется сегодня для оправдания

всего, что движется, независимо от того, что оно разрушает. Нижеследующее является актом отказа подчиниться идее, что больше денег — это прогресс. Если у этого эссе и есть мотив, то это презрение к тривиальным лозунгам, которые выдаются за мысли, и к пустой теории, которая путает финансовый инжиниринг с улучшением человечества.

Иллюзия — это первое из всех удовольствий.

**ВОЛЬТЕР. *LA PUCELLE D'ORLÉANS*. ИЗДАНИЕ ЛОНДОН:
[ИЗДАТЕЛЬ НЕ УКАЗАН], 1756. ЭПИЛОГ.**

Когда-то прогресс означал ощутимое преодоление нужды — то, что можно было увидеть, подержать в руках и исправить. Прогресс был историей о том, как мужчины и женщины подчиняли себе природу с помощью изобретений: плуг, который превратил выживание в достаток, компас, который открыл моря, печатный станок, который распространил знания за пределы монастырей. Каждый прорыв расширял круг свободы и формировал подъем цивилизации.

В XVIII и XIX веках этот рост ускорился. Пар сократил расстояния, железо соединило реки и континенты, а телеграф передавал мысли со скоростью света. Газовое освещение и электричество продлили день, а чистая вода, санитария и медицина отодвинули смерть на обочину повседневной жизни. Прогресс можно было измерить количеством построенных двигателей, уложенных кирпичей и побежденных болезней. Он был видимым, измеримым и основан на практическом применении.

Кроме того, результаты были ощутимыми. В период с 1800 по 1900 год средняя продолжительность жизни в Западной Европе выросла с 35 до 55 лет. Реальная заработная плата примерно утроилась. Грамотность распространилась с меньшинства на подавляющее большинство населения. На заработную плату фабричного рабочего можно было купить больше еды, одежды и предметов комфорта, чем на доход ремесленника столетием ранее. В доме могла быть водопроводная вода, отопление, свет, а к началу XX века — доступный транспорт и связь. Прогресс не был абстракцией: его можно было подсчитать и измерить.

За этими видимыми достижениями стоял невидимый порядок. Предпринимательство опиралось на сбережения, а сбережения — на умеренность. Честные деньги были редки, они были обеспечены и реальны. Они связывали усилие с вознаграждением, а производство — с ценностью. Мир был построен теми, кто сначала производил, а потом потреблял. Кредит тоже служил мостом между

прошлым трудом и будущим созиданием, а не источником вечного движения. Деньги и товары обращались в гармонии: каждая банкнота представляла собой нечто заработанное, нечто созданное.

Когда страны прокладывали железные дороги или пересекали океаны, они делали это за счет капитала, накопленного гражданами. Другими словами, отложенные удовольствия превращались в сталь и камень. Изобретатели, такие как Уатт и Эдисон, продвигали не спекуляцию, а услуги. Их гениальность обогатила повседневную жизнь. Свободный рынок еще не был казино, а представлял собой арену полезности, где процветание следовало за вложением. И да, прибыль была доказательством удовлетворения подлинной потребности.

К началу XX века прогресс стал пейзажем, видимым в телеграфных столбах, трамвайных линиях и электрическом свете. Он нёс в себе почти нравственную уверенность в том, что человек, ведомый разумом и трудом, способен сделать мир лучше — по сути, а не просто по форме. Генри Грейди Уивер писал, что движущей силой прогресса была не энергия угля или нефти, а сам человек — его воображение, обузданное свободой. Когда он утратил веру в эту свободу, его машины пережили его дух.

Ханс-Герман Хоппе напоминает нам в книге «Краткая история человечества», что на протяжении большей части человеческой истории прогресс означал умение действовать разумно в пределах ограничений — использовать интеллект, бережливость и сотрудничество, чтобы превращать недостаток в достаток. Это требовало дисциплины, рассудительности и готовности жить в рамках ограничений.

Подлинные достижения человечества — от земледелия до промышленности — были даром не только изобретений, но и нравственного порядка: осознания того, что собственность, семья и сбережения способны связать усилие с результатом и превратить недостаток в достаток. Прогресс был достижением характера задолго до того, как стал мериться объёмом производства. Это было поступательное улучшение жизни через добродетели, связывающие действие с его последствиями: бережливость, собственность, ответственность и заботу о созданном.

Однако уже к началу XX века прежнее понимание прогресса — основанное на труде, дисциплине и ощутимом улучшении жизни — начало постепенно исчезать. Нравственные основы, когда-то связывавшие добродетель с развитием, стали размываться. Само слово было захвачено новой верой — верой, которая приняла абстракцию за достижение, а движение за улучшение. Постепенно средства созидания превратились в средства спекуляции.

Когда финансы заменили производство

Материальный век, в котором строились мосты, корабли и электростанции, вступил в XX век с непоколебимой верой в собственную динамику. Однако под поверхностью структура предпринимательства уже менялась. Финансовые инструменты — кредиты, рынки капитала и бухгалтерский учет — были изобретены для финансирования производства, но они начали развиваться быстрее, чем производство, которому они должны были служить.

В ранней индустриальной эпохе деньги и товары двигались вместе. Банкир был хранителем накопленных сбережений, а фондовая биржа была местом встречи бережливых и предприимчивых людей. Инвестиции были формой партнерства между трудом, изобретениями и капиталом. Но с течением века финансы стали отделяться от своих материальных основ. Бумажные обязательства размножались намного быстрее, чем реальные товары. Абстракция, которая когда-то облегчала торговлю, начала определять ее.

Две революции ускорили этот разрыв. Первая была **денежной**: постепенным отказом от привязки денег к реальной стоимости. Конвертируемость уступила место доверию; создание кредита заменило сбережения. Как отметил Ханс-Герман Хоппе, когда деньги перестают быть закреплены в реальной стоимости, временные предпочтения общества неизбежно смещаются: будущее обесценивается, терпение уступает моментальному удовлетворению, а долгосрочная перспектива созидателя сменяется краткосрочным взглядом торговца.

Вторая революция была **институциональной**: возникновение корпораций, чья ценность все меньше зависела от того, что они производили, и всё больше — от того, во что верили другие. Бухгалтерский учёт, некогда фиксировавший факты, превратился в инструмент выражения ожиданий.

К середине XX века прибыль уже не требовала производства в традиционном смысле. Балансы могли увеличиваться за счёт долгов; стоимость акций росла благодаря слияниям, поглощениям и, позднее, обратным выкупам. Спекуляции с финансовыми инструментами стали соперничать с отраслями, чьи ценные бумаги они представляли.

Мюррей Ротбард предупреждал, что такая денежная инфляция не обогащает общество в целом, а тихо и систематически перераспределяет его богатство — от производителей и сберегателей к тем, кто находится ближе всего к источнику нового кредита. То, что выглядит как рост, на самом деле является перераспределением, замаскированным ростом цен и расширением балансов.

В конечном итоге, эта трансформация пересмотрела значение понятия «рост» для общества. Процветание промышленника когда-то основывалось на его способности производить и продавать полезные товары; процветание финансиста теперь зависело от движения в сфере символов — процентных ставок, оценок, деривативов и ожиданий. Внешний вид богатства стал заменой самого богатства.

Эти изменения также изменили временной горизонт предпринимательства. Фабрика требовала многолетних терпеливых вложений, тогда как финансовый продукт можно было создать и продать за считанные недели. Долгосрочная перспектива строителя уступила место краткосрочной перспективе трейдера. Рынки стали вознаграждать проворность, а не долговечность. Способность к арбитражу, реструктуризации или переупаковке активов стала считаться более ценным навыком, чем медленная работа по проектированию и производству.

В таких условиях язык производства уступил место языку прибыли. Эффективность переосмыслилась как сокращение затрат, а не как создание ценности. Целые отрасли были перестроены с целью оптимизации балансовых отчетов, а не технологического прогресса. Компания могла сократить штат сотрудников, передать свои заводы на аутсорсинг и при этом по-прежнему пользоваться славой за «раскрытие акционерной стоимости». Показателем успеха больше не было то, что было построено или улучшено, а то, что отражала рыночная капитализация.

Параллельно с этим вырос культурный престиж финансов. Банкиры и управляющие фондами заменили инженеров и торговцев в качестве образцов успеха. Экономическая жизнь переместилась из мастерских на экраны, из вещей в цифры. Прибыль стала самоцелью, оторванной от человеческой деятельности, которая когда-то оправдывала ее. Цель предприятия — удовлетворение потребностей через производство — была затмена постоянным стремлением к финансовой выгоде.

В этом новом порядке даже деньги утратили свою стабильность. Они стали не отражением прошлых усилий, а ожиданием будущей политики. Создание кредитов, когда-то служившее мостом между сбережениями и инвестициями, превратилось в самовоспроизводящийся процесс: новые долги для поддержания старых, новая ликвидность для поддержания оценок. Гвидо Хюльсманн позже описал это как моральный риск фиатной валюты. То есть режим, в котором фальсифицированные меры стоимости разрушают связь между действием и следствием, позволяя целым обществам потреблять иллюзию богатства, в то время как их реальный капитал тихо разлагается.^[v] Действительно, система могла расти, не создавая ничего, пока сохранялось доверие.

Так сформировалась иллюзия. Финансы, которые начинали как слуги производства, стали его хозяином. Производство товаров отошло на второй план по сравнению с формированием цен. Расширение кредитования стало восприниматься как прогресс, а умножение бумажного богатства — как доказательство процветания. Старая последовательность — сберегать, инвестировать, производить, получать прибыль — была перевернута. То, что когда-то было мерилом достижений, стало их целью. Мир вступил в эпоху, когда приобретение денег, оторванное от материальных целей, было ошибочно принято за сам прогресс.

Ложные показатели — почему ВВП вводит в заблуждение

Иллюзия прогресса обрела свою самую прочную маскировку в языке измерений. Цифры заменили суждения, а валовой внутренний продукт стал высшим идолом экономической жизни. Созданный в 1930-х годах для оценки военного производства и промышленного потенциала, ВВП никогда не был предназначен для отражения благосостояния людей или прогресса цивилизации. Он учитывал производство в целях мобилизации, а не процветания.^[vi] Однако со временем этот чрезвычайный показатель стал определять сам прогресс.

ВВП измеряет скорость деятельности, а не ценность или смысл сделанного. Он учитывает каждую сделку как рост, независимо от того, строится ли мост или взрывается, возделывается ли почва или оголяется. Вырубка леса, устранение ущерба от наводнения и последующие судебные иски — все это добавляется к общей сумме. Разрушение и восстановление регистрируются как двойной бум. Как бы глупо это ни звучало, по этой арифметике общество может потратить себя на кажущееся богатство.

Как отмечают трезвые экономисты, слепота ВВП выходит за рамки моральных и качественных аспектов и затрагивает структурные. Он измеряет конечные результаты экономики, игнорируя сложные производственные цепочки, которые их поддерживают. Как заметил Марк Скусен, валовой объем производства — то, что он назвал «верхней строкой» национального учета — отражает эту скрытую архитектуру, тогда как ВВП фиксирует только «нижнюю строку». Результатом является статистическая иллюзия: экономическая деятельность выглядит здоровой, даже когда структура капитала деформируется. В условиях легкого кредитования ВВП растет не за счет продуктивной глубины, а за счет денежных искажений, путая инфляцию и неэффективные инвестиции с процветанием.^[vii]

Эта иллюзия усугубляется тем, что ВВП не может провести различие между созданием и потреблением, между подлинным накоплением капитала и ликвидацией прошлого. Он регистрирует движение, а не содержание. Когда компания берет кредит для выкупа своих акций, ВВП растет. Когда финансовые спекуляции умножаются, не добавляя ни одного товара или услуги, ВВП снова растет. Таким образом, объем транзакций ошибочно принимается за создание материальных ценностей.

Такие агрегированные показатели заставляют политиков верить, что экономикой можно управлять как единым механизмом. Фридрих Хайек назвал это «роковой самонадеянностью» — верой в то, что разрозненные действия людей можно направлять с помощью статистических показателей. Повысить ВВП легко: взять в долг, потратить, создать инфляцию и подсчитать. Но то, что такие меры увеличивают в цифрах, они часто разрушают в реальности. Мосты разрушаются, реальные зарплаты стагнируют, а жизненная ткань общества расходуется на поддержание иллюзии роста.

Если раньше прогресс измерялся улучшением качества жизни и институтов, то теперь он измеряется только количеством и скоростью. Это всего лишь иллюзия, поддерживаемая политикой и финансами.

При таких ложных показателях даже спад выглядит как прогресс. Катастрофы, спасательные операции и войны могут повысить общие показатели. Страна, которая берет в долг и тратит больше, чем может себе позволить, выглядит более «динамичной», чем та, которая экономит и восстанавливает. Чем больше экономика становится финансовой, тем больше ее заявленный рост, потому что она учитывает оборот и спекуляции как само производство.

Таким образом, инструмент, когда-то созданный для управления, стал маской для ухудшения ситуации. ВВП не может сказать нам, движемся ли мы вперед или просто приближаемся к истощению.

Когда все становится инвестицией

В наше время почти ничто не ускользает от грамматики финансов. То, что началось как отделение денег от материи, превратилось в отделение ценности от добродетели. Словарь капитала теперь управляет почти всеми сферами жизни: искусство становится классом активов, образование — рынком дипломов, еда — средством брендинга, а даже досуг — формой конкурентной демонстрации. Само слово «инвестиция» расширилось и теперь включает в себя любое занятие, обещающее выгоду, независимо от того, приносит ли оно что-то ценное.

Частный капитал является самым чистым выражением этого нового кредо. Его инструменты — кредитное плечо, оптимизация и выход — принадлежат миру, в котором время побеждено, а последствия отложены. Бизнес, который когда-то создавался навечно, теперь создается для продажи. Медленное накопление репутации мастером заменяется быстрым извлечением прибыли менеджером. Когда каждое предприятие должно оправдывать себя «повышением акционерной стоимости», различие между управлением и эксплуатацией исчезает. Результатом является не создание, а преобразование субстанции в символы, а постоянства — в ликвидность.

Та же логика проникает и в повседневное. Еда, лишённая сезона и места происхождения, превращается в производное химии и логистики. Образование, когда-то служившее развитию понимания, становится кредитно-финансируемой ставкой на трудоустройство. Финансиализация всего — это не просто экономическое явление, но метафизическое: она учит нас видеть мир не как заботливый доверительный фонд, а как баланс, которым нужно управлять.

В этом заключается моральная инверсия нашего века. Деньги, которые когда-то были слугами цели, стали ее мерилом. Более крупная яхта, более быстрый самолет, более высокая «чистая стоимость» — все это не символы изобилия, а символы дисбаланса. Они обозначают расстояние между владением и покоем. Стремление к большему вытеснило вопрос о том, для чего это нужно. А когда цивилизация забывает задавать этот вопрос, она продолжает прогрессировать в техническом плане, но при этом теряет мудрость.

Честная инвестиционная политика в такое время не может основываться на прогнозах или кредитовании, а только на совести. Настоящим мерилом доходности является стойкость: то, что остается после угасания моды, то, что служит после окончания спекуляций. Капитал, который сохраняет смысл — учреждения, навыки и отношения — переживает все, что просто завышает цену. Правильно инвестировать — значит согласовывать деньги с целью, рассматривать прибыль как средство обеспечения преемственности, а не как ее замену.

Если прогресс снова наступит, он придёт тогда, когда мы поймём: дело не в бесконечном ускорении изменений, а в сохранении смысла во времени. Прогресс — это не прямая линия на графике, которая всё выше поднимается, а круг, который сохраняется.

Только когда деньги будут измерять качество услуг, а успех будет оцениваться по тому, что построено и сохранено, а не по тому, что продано или выставлено на показ, прогресс перестанет быть иллюзией и вновь станет достижением характера.

- [i] Генри Грейди Уивер "Движущая сила человеческого прогресса". Фонд экономического образования, 1953. <https://mises.org/library/book/mainspring-human-progress>.
- [ii] Ханс-Герман Хоппе "Краткая история человечества: прогресс и упадок". Институт Мизеса, 2015. <https://mises.org/library/book/short-history-man-progress-and-decline>.
- [iii] Ханс-Герман Хоппе "Демократия: Бог, который потерпел неудачу: экономика и политика монархии, демократии и естественного порядка". Transaction Publishers, 2001.
- [iv] Мюррей Н. Ротбард "Что сделало правительство с нашими деньгами?" 4-е изд., Институт Мизеса, 1990.
- [v] Йорг Гвидо Хюльсманн "Этика производства денег". Институт Людвига фон Мизеса, 2008.
- [vi] Элизабет Дикинсон. «ВВП: краткая история». *Foreign Policy*, 3 января 2011 г. <https://foreignpolicy.com/2011/01/03/gdp-a-brief-history/>
- [vii] Цитата из статьи Марка Герцена «Процентные ставки, косвенность и бизнес-цикли: эмпирическое исследование». *Quarterly Journal of Austrian Economics*, т. 22, № 3, осень 2019 г., с. 311–335.

ТЕГИ СТАТЬИ:

Анализ Хоппе, Ханс-Германн Уивер, Генри Грейди Ротбард, Мюррей Н. Хюльсманн, Гвидо Йорг Дикинсон, Элизабет Герстен, Марк